

Юрий Кузьмич Цыганков

Хроники пана Бельского

Книга первая
Манускрипт "Чародея"

Юрий Цыганков

**Хроники пана Бельского. Книга
первая. Манускрипт «Чародея»**

«Автор»

2022

Цыганков Ю. К.

Хроники пана Бельского. Книга первая. Манускрипт «Чародея» /
Ю. К. Цыганков — «Автор», 2022

В книгах находят знания и совершают открытия, книги создают мечту... Но всегда ли в книге имеет место быть истина? Князь Бельский в своей охоте за древним манускриптом Всеслава «Чародея» не пренебрегает ничем, что позволит ему приблизиться к своей мечте, порожденной в детстве прочитанными книгами. Бросаясь в авантюры поиска, он готов идти против совести, нарушать правила, приносить жертвы, воспринимая мир через призму своих критерий добродетельности и разумной целесообразности. Ведь в рукописи есть нечто, что позволит ему отыскать защиту для столь любимой им... Или нет? Или всё это игра его воображения? Лишь фетиш? Привидение мечты?

© Цыганков Ю. К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Юрий Цыганков

Хроники пана Бельского. Книга первая. Манускрипт "Чародея"

Пролог

Се почнем же, братия, повесть сию
по былинам сего времени...

01

Июль 1933 года в Вильне, вероятней всего, не выделился бы из общего ряда календарных месяцев, размеренно приближающих людей к началу или окончанию различных вех их жизненного пути, начиная от хлопка по младенческой попке, вызывающего первый вздох, и заканчивая траурной процедурой прощания родных с усопшим, если бы не два события, которые буквально взбудоражили городскую обыденность, и стали главными темами для обсуждения, как в салонах светского общества, так и на базарных площадях в среде простого люда.

Во-первых, без вести пропала городская благотельница и дочь одного из виднейших жителей Виленского воеводства Барбара Адамовна Мирская. Эта молодая женщина была весьма популярной во всём крае фигурой, и не столько даже благодаря своему известному отцу, сколько в значительной степени благодаря своей бурной общественной деятельности. Получив в купе с блистательным образованием на факультете медицины Сорбонского университета, ещё и весьма солидное наследство после смерти своей матери, представительницы знатного литвинского шляхетского рода, преуспевшего к тому же и на коммерческой ниве, юная наследница позволила себе довольно рано вести независимую от своего отца жизнь. Совместно с ещё несколькими младыми романтическими особами из влиятельных городских семейств, Барбара создала благотворительный фонд, который сама же лично и возглавила. Компаньонки, для которых это занятие явилось лишь коротким модным увлечением, не стали возражать против того, что Мирская со временем оградила их от проблем активного участия в благотворительности и сконцентрировала в своих изящных ручках всю полноту власти, став фактически единоличным распорядителем средств организации. Фонд финансировал и управлял деятельностью центральной городской больницы, окружного детского приюта, двух школ для детей простого звания и детской библиотеки. Помимо этого, также оплачивалась учеба одаренных, но неимущих молодых людей, как в родном Виленском университете Стефана Батория, так и в других учебных заведениях Европы. Да и вообще, по мере финансовых возможностей Мирская пыталась оказывать посильную материальную помощь всем нуждающимся в ней бедолагам. При этом природный ум и жесткий характер, (всё то, что, по всей видимости, передалось Барбаре от отца), позволяли ей управлять своим детищем настолько эффективно, что не один пройдоха или жулик не мог похвастаться перед своими собратьями по ремеслу тем, что сумел добыть в фонде путем хитроумного обмана хоть один злотый. Возможно, успеху Мирской способствовал известный в определенных кругах непререкаемый авторитет её отца, а также его репутация человека весьма жестокого и беспощадного, когда дело касалось благополучия его семьи. Многим любителям лёгкой наживы было прекрасно известно, что произойдет с тем, кто позволит себе совершить такую вселенскую глупость, как обидеть дочь Адама Винцентовича Мирского – достойного наследника легендарной разбойничьей фамилии. Фактически отец продолжал незримо опекать свою дочь, в тайне от неё предпринимая необходимые шаги, и тем самым, ограждая своё строптивое дитя от неприятностей взрослой жизни. Отчего между ними нередко случались серьёзные конфликты из-за малейшего повода на почве именно её обострённого чувства своей независимости. Беззаветно любящий дочь, пан Мирский, в таких

ситуациях обычно отступал первый, а Барбара в ответ милостиво прощала своего «непутевого папеньку», и ссора угасала, после чего они продолжали мирно сосуществовать до следующего взрыва их одинаково горячо темпераментных характеров.

Своей благотворительной деятельностью «наша королева Барбара», как её звали восхищённые почитатели, заслужила признательность значительного числа горожан и с достоинством прирождённой королевы носила почетный титул народной любимицы. Да и в своей повседневной жизни она придерживалась строгих правил добропорядочного поведения, ведя себя весьма скромно и целомудренно, (порой, возможно, нарочито чересчур), не позволяя даже полупонамеком запятнать свою репутацию. Неудивительно, что Барбара особым успехом пользовалась как раз среди представителей старшего поколения, трепетно хранивших память о славных старых временах, о тех нравах и правилах поведения, принятых в кругу людей благородного происхождения. Посему они не переставали ставить её в пример своим молодым отпрыскам, отрывавшимся, по мнению стариков, от родных корней и устоев, одновременно пополняя капитал фонда своими весьма не малыми взносами.

Но при всём при этом необходимо отметить и тот факт, что в городе имелось достаточно большое количество «ядовитых язычков», утверждавших, что высокомерная и коварная «нововиленская дева», как её язвительно прозвали недоброжелатели, таким нехитрым образом попросту замаливала тяжкие грехи своих деда и отца. Тем самым, пытаясь добыть для всей своей грешной родни тепленькие места, пусть и не в этом мире, так хотя бы после смерти в мире ином, якобы лучшем...

Второй громкой новостью этого летнего месяца стало совершение в городе очередного в этом году таинственного убийства. Буквально через день после пропажи Барбары в одном из заброшенных старых домов на восточной окраине Вильни неким городским бродягой был найден полуобнажённый изуродованный труп молодой женщины, после чего сам бродяга от пережитого им и, по всей видимости, по причине увиденного, скончался от сердечного приступа. Обнаруженное тело женщины, в особенности её голова и лицо, было настолько сильно обезображено убийцей и истерзано успевшими похозяничать крысами, что судебные медики не смогли предоставить криминальной полиции хоть какие-то маломальские данные, которые позволили бы опознать несчастную и содействовали бы скорой поимке преступника.

Беспристрастная городская молва сразу же посчитала найденную мертвой женщину не иначе как Барбарой Мирской, и связала эту ужасную находку с двумя страшными убийствами прошедшей весны, подробности о которых до сих пор не были известны широкому кругу обывателей. Тогда ни полиция, ни прокуратура не смогли не только разыскать и призвать к ответу душегуба, совершившего эти кровавые злодеяния, но даже не смогли дать горожанам хоть какие-то вразумительные разъяснения по поводу всего произошедшего. Чиновники же городской управы постарались спустить все на тормозах, надеясь видно лишь на то, что все само собой успокоится и образуеться, а там, глядишь, и убивец от непосильного душевного груза мучимой совести одумается и сам сдастся в руки правосудия. А лучше всего конечно, как им того очень желалось, если этот злодей наложит сам на себя руки, но перед этим обязательно оставит письмо со слёзным покаянием и точным описанием подробностей содеянного.

Большая часть жителей Вильни давно махнули рукой на нынешние городские власти, которые то и раньше не пользовались у людей хоть неким подобием уважения, а попросту воспринимались ими как нечто данное. Раз уж так повелось с давних времён, и богом или кем-то там еще, установлено, то пусть так и будет, решили вильняне, и в дни выборов на руководящие посты городской администрации старались, каждый по своему разумению, из предложенных кандидатов на ту или иную должность избирать ... наименьшее зло. Ну, а после провала розыска «мартовского убийцы», действия чиновников не вызывали никакого энтузиазма даже в среде их сторонников, а в обществе их идейных противников уже давно стало считаться плохим тоном само упоминание в своих беседах фамилий городских властителей.

Впоследствии некоторые отчаянные головы из числа любителей острить при каждом удобном случае по поводу деятельности местных официальных лиц, стали ссылаться на слова одного мудрого старичка-профессора, преподававшего на отделении изящных искусств Виленского университета, сказанные им якобы в большом подпитии на одной из студенческих пирушек: «Да, помилуйте вы их, паны светлейшие, и не судите. Но не будете же вы, милейшие, вменять в вину убогому тот факт, что он этим убогим является. Да ещё, к вешему горю его родителей, убогость та родилась вместе с ним в миг его появления на свет».

Впрочем, информация о двойном убийстве со временем дошла до Варшавы, откуда незамедлительно прислали столичную комиссию для разбирательства и поиска виновных на месте. Не каждый день, и даже год, в славной Второй Речи Посполитой совершались столь шокирующие преступления. Однако члены высокой комиссии если чем и отличились, то только непомерным высокомерием в своём поведении, да суетной заботой о придании себе всеми силами столичной многозначительности, отчего выглядели... еще более убогими, чем местные градоначальники.

О самих же весенних убийствах ходило просто-таки неисчислимое количество леденящих душу небылиц, добавлявших всё более и более мрачных красок и в без того ужасную картину совершенного преступления.

Но уважаемому читателю, считаем, необходимым все же сообщить без всяких фантазий то, что доподлинно стало известно большинству горожан из виленских газет: в марте нынешнего года зверским способом, о котором из приличия не принято говорить в слух на публике, были убиты двое молодых мужчин из почтенных семейств города. Их обнаженные тела, лишённые «отличий мужского пола», были найдены в дешёвой меблированной квартире одного доходного дома, а точнее вертепа, более известного в народе как «Палац Садомы Гоморровны». По правде сказать, эти две жертвы злодейства до своей жуткой кончины вели весьма сомнительный образ жизни, большая часть которой состояло из кутежей в неблагоприятных местах с женщинами и мужчинами сомнительной, мягко говоря, репутации. Добрые и благородные дела хотя бы во благо только своих семей за ними не водились и столь раннюю потерю их, кроме близкой родни, никто не оплакивал.

Впрочем, городские интеллектуалы, как не банально это прозвучит, считали, что столь бесцельный образ жизни всё равно не давал кому-либо право лишать этих разгильдяев даже такой, пусть совсем пустой, но всё же жизни. Если уж кому и наносили они вред, так только себе, да своим знатным предкам, которые именно достойными делами в былые времена достигли этой своей значимости. Некоторые идеалисты и романтические особы допускали, что может, со временем, пусть хотя бы и один из них одумался, да и сделал бы свою жизнь куда как более осмысленной и полезной.

Ну, что ж, всё возможно,... пока не заиграла музыка, тебя не подняли и не понесли в направлении, увы, уже безвозвратном.

Само же уголовное дело по расследованию этих убийств было приостановлено «...из-за отсутствия виновного лица до момента появления новых обстоятельств и доказательств, которые поспособствуют поиску, аресту и приданию суду оного». Такую же участь, по-видимому, ожидало и дело по розыску убийцы неустановленной женщины. Поиски же пропавшей Барбары Мирской полиция продолжала вести непривычно активно, что впрочем не вызывало у горожан никакого удивления, учитывая статус самой Барбары, а также влияние её отца...

Чем ещё запомнился тот июль городским старожилам, так это невообразимой даже для этого летнего месяца погодой. Вторую июльскую неделю лето нещадно изводило горожан своей липкой жарой и банной влажностью. Утреннее, какое-никакое, шевеление жителей к обеду полностью прекращалось, и с наступлением полуденного зноя весь городской организм впадал в спячку, а точнее в кому. В таком состоянии, по утверждению медиков, пациент вроде, как и продолжает фактически жить, но в тоже время рядового обывателя не покидало стойкое

ощущение того, что в полдень на городском кладбище жизнь бьёт родниковым ключом, по сравнению с центральными улицами Вильни.

Только ближе к закату солнца, жизненная суeta вновь возвращалась на улицы этого древнего города наших славных предков, познавшего блистательные победы и бесславные поражения, выдавшего проявления высокого человеческого благородства и низкой человеческой подлости, испытавшего вкус великих свершений и горьких разочарований. Всё было и всего хватало в летописи его жизни, в которую разные народы вписали не одну страницу своего, доброго и злого, но без которых этот город никогда не стал бы той, некогда блистательной столицей Великого княжества – страны литвинов, русинов и жамойтов.

Глава первая

...И выиде из лодья на брег, конунг с дружиной предсташа пред ними...

02

В Старом городе, рядом с Кафедральной площадью, в северном углу небольшого парка, аккуратно разбитого напротив Замковой горы, в тени раскидистых старых деревьев располагался двухэтажный особняк. Построен был он в начале нынешнего века одним немецким коммерсантом, предки которого осели на этой благословенной земле ещё в те далёкие времена, когда по мостовым столичной Вильни с грохотом и лязгом проезжали в рыцарских доспехах brave паны-шляхтичи, ловя в окнах прилегающих домов восхищенные взгляды виленских паненок.

На первом этаже особняка, построенного без чудачеств, в классическом стиле, находилась известная на весь город кондитерская «Сладкий сон от пана Богуслава» с небольшим кафетерием. Второй же этаж был перестроен в две отдельные комфортабельные квартиры. К парадному подъезду здания и соответственно кондитерской вела подъездная дорога с узкими тротуарами, которая выходила на проспект Адама Мицкевича. Вход на второй этаж в квартиры был переоборудован из общего запасного выхода, расположенного с тыльной стороны дома. К нему с противоположного южного края пролегла через весь парк прямая пешеходная аллея, проходя по которой мимо летней беседки, установленной в центре парка на лужайке, жильцы квартир напрямик попадали на Замковую улицу ко Двору Скарги Виленского университета, куда главным фасадом выходил костёл Святых Иоаннов.

В одной из квартир, меньшей по размеру и состоявшей из пяти жилых комнат, проживал Мартин Юрьевич Бельский, молодой мужчина тридцати трёх лет от роду. Указанную квартиру он приобрел с год назад у владелицы особняка фрау Эльзы Зингер, доставшегося ей в наследство после смерти её второго мужа. Фрау Зингер планировала обе квартиры сдавать в наем, как она поступила с первым этажом, сдав его пану Богуславу Харальду под кондитерскую и кафетерий, и тем самым, обеспечить себе постоянный и весьма солидный ежегодный доход. Но отказать своему близкому другу, пану Бельскому, в его настойчивой просьбе продать так понравившуюся ему квартиру фрау Зингер не смогла. К тому же Мартин Юрьевич не поскупился и в довершение к своей просьбе предложил за квартиру достаточно высокую цену.

Их познакомил на позапрошлом рождественском балу в городской ратуше лично глава города, с которым у неё были давние приятельские отношения. Немного пообщавшись на шумном празднике, стареющая красавица, знавшая толк в мужчинах, была настолько очарована представленным ей молодым человеком, что признавалась позже жене прокурора города, своей подруге детства, о лёгком проявлении подзабытого чувства, которого она не испытывала, пожалуй, уже лет двадцать как. «Ещё чуть-чуть, – говорила она в полголоса и неожиданно для себя смущаясь, – и я боюсь, что могла бы совсем потерять голову». Мимолетное знакомство в скором времени переросло между ними в крепкую теплую дружбу, которая со стороны больше походила на заботу друг о друге добропорядочной матушки и её благодарного сына.

Вторая квартира, в семь жилых комнат, спрос на которую был также высок, пока ещё пустовала. Хозяйка особняка очень щепетильно относилась к репутации того, кто будет проживать в её доме, поэтому решила не торопиться и подобрать для свободной пока ещё квартиры почтенного во всех отношениях жильца.

В этот день, 12 июля, Мартин укрывался от полуденного пекла в своей квартире, и лежа в одних пляжных шортах в гостиной на софе, читал вслух.

Привычка читать вслух осталось у него ещё с раннего детства, когда отец настаивал на его чтении именно в голос, развивая тем самым у сына правильную дикцию, а заодно практикуя его знание того или иного иностранного языка. В то достопочтенное время отец Мартина привил ему глубочайшее уважение к книге. Он вообще считал книгу вершиной человеческой эволюции, достигнув которую, по его разумению, в дальнейшем земную цивилизацию ждала, к сожалению, одна сплошная деградация. С юношеских лет Мартин увлекся коллекционированием раритетных книг, и со временем это, по сути, детское увлечение, превратилась у него в настоящую взрослую любовь. Жизнь побросала его по свету, но коллекционирование оставалось для него чуть ли не святым делом его жизни, и потому никогда им не приостанавливалось ни при каких обстоятельствах. С течением времени о коллекции Мартина заговорили в букинистической среде Европы, и даже начали о ней ходить разного рода слухи и сплетни, а порой и целые легенды, в особенности о его методах розыска и добывания книг. Но Мартин хоть и состоял в переписке с несколькими весьма уважаемыми в том мире коллекционерами и экспертами, к популярности совсем не стремился, вследствие чего никогда не демонстрировал широкому кругу зрителей свои трофеи. Его лично полностью устраивал уже сам факт обладания некой редкой книгой, возможностью периодически вынимать её из специально изготовленного книжного шкафа, трепетно прикасаясь к ней, открывать и читать в слух.

Именно сейчас он читал первую часть «Фауста» Гёте 1808 года издания, самый первый экземпляр напечатанной книги с автографом великого немца на титульном листе.

So gefällst du mir.

Wir werden, hoff ich, uns vertragen;

Denn dir die Grillen zu verjagen...¹

Помимо самого Мартина в гостиной находился ещё один слушатель нетленного творения, фактический хозяин квартиры, в том числе и всех съестных припасов, хранившихся в ней. На широком подоконнике распахнутого настежь окна, растянувшись во всю длину своего мохнатого тела, периодически самозабвенно, с наслаждением потягиваясь, валялся здоровенный кот, по имени Пачвара. Масти он был благородной соболиной, породы разной смешанной, науке естественно неизвестной. Но, судя по его обычному поведению, надменно-наглому, сомнений не оставалось – кровей мы были явно императорских. Коту было жарко и очень лениво, он даже никак не реагировал на свою любимую рыбу, лежавшую половину дня нетронутой на его тарелке в кухне, что было весьма непривычно, для поведения любителя плотно подкрепиться с утра пораньше. Без особого интереса открывая, попеременно, то левый то правый глаз, домашний зверь не желал подтягивать свисавшие с подоконника свои задние лапы, которые медленно сползали и стаскивали всё тело кота вниз. С минуты на минуту Пачвара должен был рухнуть на пол. Но в самый последний момент перед неминуемым падением, под строки:

Ich will mich hier zu deinem Dienst verbinden,

Auf deinen Wink nicht rasten und nicht ruhn...²

¹ Вот ты меня и лицезришь. Я убежден, поладить мы сумеем И сообща твою тоску рассеем... (Перевод Пастернака Б.Л.)

² Тебе со мною будет здесь удобно, Я буду исполнять любую блажь... (Перевод Пастернака Б.Л.)

кот резко оживился, перекатился от края к середине своего лежака и улёгся на спину, раскинув в разные стороны лапы, пытаясь поймать своим кучерявым пузом хоть малейший сквознячок из открытых окон квартиры.

Дочитав главу, Мартин бережно уложил книгу, в оббитый синим бархатом особенный футляр, с указанием на его торце тисненными золотистыми буквами названия книги, отнес его в хранилище и поставил на своё место в книжном шкафу. Для размещения своей коллекции, кладовую, примыкавшую к кабинету, он переоборудовал в книгохранилище с прочными стенами и дверью, установив там по периметру помещения специальные шкафы. Тем самым у Бельского получился не то большой книжный шкаф, не то большой книжный сейф.

Вернувшись в гостиную, Мартин допил из дубовой кружки свой любимый клюквенно-брусничный морс, и направился принимать душ. Кот, приоткрыв левый глаз, дернул правым ухом и проводил рассеянным взглядом проживавшего в его квартире человека до выхода из комнаты, после чего вновь закрыл глаз и продолжил бездельничать.

Мартин сознательно долго стоял под обжигающими струями ледяной воды, выводя себя из кисельного состояния. Через тридцать восемь минут к нему должен был прийти гость, встречать и общаться с которым стоило с максимальной собранностью и осторожностью. Выйдя из душевой и растираясь докрасна полотенцем, он вспомнил свой вчерашний визит к фрау Зингер.

Под великолепные шоколадные эклеры от пана Богуслава и чудный кенийский кофе, всегда умело приготовленный поваром фрау Зингер, они долго беседовали с ней за столом на открытой террасе её дома в южном фешенебельном предместье Вильни. Мудрая Эльза Зингер всегда безошибочно угадывала настроение и пожелания своего молодого друга, по крайней мере, ей так думалось, и старалась выбрать тему беседы, интересную ему именно в настоящий момент. Вчерашний разговор в основном касался последних событий, происходящих в Германии и связанных в основном с деятельностью нового канцлера Адольфа Гитлера. Выбор темы был не случаен и обусловлен тем, что Мартин планировал в октябре ехать по коммерческим делам своего магазина в Германию, а заодно хотел посетить Франкфуртскую книжную ярмарку.

Перед самым расставанием фрау Зингер, заметно нервничая, попросила Мартина встретиться с одним человеком. Она сумбурно попыталась объяснить ему, что этот человек сам, и довольно настойчиво, просил её организовать их встречу. Что при прочих обстоятельствах она никогда бы не выступила бы в роли просителя от его имени, но когда-то этот человек оказал ей весьма значительную услугу, и как говорится – «пришла пора платить по счетам». Бельский спокойно прервал её мучительный монолог и назначил встречу у себя дома в пять часов вечера следующего дня.

Ровно в пять часов вечера резкий звук дверного звонка попытался разрезать ватный воздух квартиры, но мгновенно захлебнулся в духоте ещё на пороге прихожей. Переодетый в легкий костюм для игры в гольф и летние сандалии Мартин отворил замок первой двери, но приоткрыл её совсем немного, подперев снизу как упором стопой правой ноги. Взглянув в смотровое решетчатое окошко второй наружной двери, он увидел на лестничной площадке не высокого, коренастого, уже начинающего грузнеть, мужчину лет шестидесяти с пышными усами и бакенбардами в модном кремовом костюме. Рядом с ним в сером сюртуке возвышался довольно устрашающей наружности здоровяк, с грубыми чертами рубленого каменного лица неандертальца, в глазах которого чётко отражалось значение полного математического нуля.

– День добрый, Мартин Юрьевич! – не громко поздоровался первый мужчина, с еле заметным поклоном головы, – Надеюсь, я не сильно утруждаю вас своей просьбой о встрече?

– Не надейтесь, пан Мирский, утруждаете, и весьма, – ответил Мартин, открывая вторую дверь и пропуская в квартиру визитёра.

Следовавший за гостем его сопровождающий был остановлен резким движением руки Мартина, весьма болезненно ткнувшей верзилу в грудь.

– Дядя, а вот тебя-то, я не приглашал! Иди-ка, похлебай чудный какао в кафетерии на первом этаже, может тебе после этого чего-нибудь доброго сделать захочется, – проговорил Мартин и, не дожидаясь попытки возражения, быстро захлопнул обе двери. Дверные замки защёлкнулись друг за другом с лязгом винтовочных затворов.

Гость пожал плечами, снял шляпу, положил её вместе с увесистой тростью на столик в прихожей и вопросительно посмотрел на хозяина квартиры.

– Прямо по коридору и налево. Я через минуту буду, – произнес Мартин, направляя гостя в кабинет, а сам отправился в столовую.

Разглаживая свои пышные усы, Мирский прошел по указанному маршруту. Войдя в кабинет, он заглянул в приоткрытую дверь книжной комнаты, где начал рассматривать в закрытых шкафах наименования книг на торцах футляров. За этим занятием его и застал Мартин, вернувшись с подносом бокалов с напитками и полной вазой фруктов.

Адам Винцентович Мирский вышел из хранилища, и мимоходом взглянув на часы, устроился в кресле напротив массивного стола, внимательно наблюдая за Мартином, который в это время сервировал маленький столик у входа в кабинет.

Пан Бельский производил солидное впечатление на пана Мирского. Рост метр восемьдесят, русоволосый, интеллект в голубых глазах на красивом породистом лице, отточенные и плавные движения сильного и независимого человека. Мартин не был атлетом, но Мирский прекрасно осознавал, что отлично скроенная фигура Бельского, это фигура не выставочного спортсмена. Это тренированное тело матёрого хищника, побывавшего во многих переделках и умеющего выживать в любых условиях. «Он не для спортивных поединков за очки и баллы. Он для схваток на смерть ради жизни» – не без грустного чувства легкой зависти стареющего мужчины отметил про себя Мирский.

Мартин закончил сервировать столик, подкатил его к гостю, после чего, заперев дверь книжной комнаты, с бокалом морса и тарелкой очищенных лесных орехов уселся во главе своего стола.

Отпив из одного бокала холодный морс, поморщившись, Мирский отправил в рот несколько виноградин и пристально посмотрел Бельскому прямо в глаза. Мартин, не отводя своего взгляда от Мирского, невозмутимо забрасывал себе в рот орешек за орешком, медленно их пережевывая. В это время в кабинет вошел Пачвара, равнодушно оглядел мизансцену, несколько дольше задержав свой взор на Мирском, развернулся и с чувством королевского пренебрежения удалился на кухню, после чего Адам Винцентович первым прервал молчание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.